DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2026.3.19

UDC 332.02(470+571)
LBC 65.049(2Рос)-983

Submitted: 10.02.2026
Accepted: 23.04.2026

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND SOCIAL CAPITAL IN DEVELOPMENT OF SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Arslan B. Kusminov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Abstract. This paper examines how civil society institutions influence socio-economic development across Russia's Southern Federal District within the neo-institutional framework. The study differentiates formal rules from "rules-in-use" in civic participation and conceptualizes social capital as a mechanism that connects civic engagement to governance performance. Methodologically, the article combines an analytical literature review with comparative regional analysis for Southern Federal District entities and conceptual modelling of causes through which civil society affects transaction costs, collective action capacity, procedural trust, and policy feedback. The main result is a diagnostic typology of regional trajectories, identifying four dominant institutional configurations: 1) institutionalized accountability loop; 2) strong local self-organization with prevailing bonding capital; 3) imitation-driven participation with weak conversion of formal structures into enforceable practices; and 4) risks of institutional capture under limited-access coalitions. The paper formulates regional policy priorities aimed at bridging capital strengthening, reduction of imitation practices, and embedding both offline and digital participation into transparent accountability procedures. Practical applicability consists in using the suggested criteria and proxy indicators to assess the quality of civic participation, compare Southern Federal District regions, and design regional governance instruments that lower coordination costs and raise the predictability of public decisions. The framework is suitable for replication in other Russian macro-regions.

Key words: civil society institutions, Southern Federal District, institutional environment, social capital, trust, accountability, imitation practices, institutional capture, regional policy.

Citation. Kusminov A.B., 2026. The Role of Civil Society Institutions and Social Capital in Development of Southern Federal District. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 14, no. 3, pp. 210-220. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2026.3.19

УДК 332.02(470+571)
ББК 65.049(2Рос)-983

Дата поступления статьи: 10.02.2026
Дата принятия статьи: 23.04.2026

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Арслан Борисович Кусьминов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется влияние институтов гражданского общества на социально-экономическое развитие субъектов Южного федерального округа в логике неоинституционального анализа. Цель работы состоит в раскрытии направлений, через которые гражданское участие и социальный капитал повышают предсказуемость публичных решений, снижают транзакционные издержки координации и формируют доверие к процедурам. Методика включает аналитический обзор отечественных и международных исследований, институционально-сравнительный анализ субъектов ЮФО и концептуальное моделирование связей «формальные правила – правила в дей-

© Кусьминов А.Б., 2026

ствии – коллективные действия – управленческая результативность». В проведенном исследовании предложены прокси-индикаторы (доверие, вовлеченность, плотность НКО, цифровая вовлеченность и др.), позволяющие сопоставлять региональные конфигурации при ограниченности первичных данных. Основной результат – диагностическая типология региональных траекторий, выделяющая четыре конфигурации: институционализированная «петля ответственности»; локально-самоорганизационная модель с доминированием замыкающего (bonding) капитала; имитационный режим участия при слабой конверсии организационной оболочки в устойчивые практики; риски институционального захвата в режимах ограниченного доступа. На этой основе сформулированы приоритеты региональной политики через усиление мостового (bridging) капитала, снижение имитации участия, развитие стандартов публичного ответа и мониторинга исполнения, а также включение цифровых каналов участия в контуры подотчетности. Практическая значимость результатов состоит в возможности применять предложенные критерии для диагностики качества гражданского участия, разработки мер регионального управления и оценки их воспроизводимости в пространстве ЮФО. Подход ориентирован на управленческий дизайн и позволяет увязать институты участия с результатами программ развития.

Ключевые слова: общественные институты, Южный федеральный округ, институциональная среда, социальный капитал, доверие, подотчетность, имитационные практики, институциональный захват, региональная политика.

Цитирование. Кусьминов А. Б., 2026. Роль общественных институтов и социального капитала в развитии субъектов Южного федерального округа // Региональная экономика. Юг России. Т. 14, № 3. С. 210–220. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2026.3.19

Введение

В институциональной традиции институты трактуются как созданные людьми ограничения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия и тем самым формируют траектории развития территорий [North, 1990]. На региональном уровне это означает, что «социально-экономическое развитие» выступает не суммой разрозненных изменений, а результатом согласованной работы институционального контура, а именно норм, правил, организаций и механизмов, обеспечивающих воспроизводимость кооперации и предсказуемость ожиданий [Williamson, 2000].

Институты действуют как механизм отбора между производительными и рентными стратегиями, если правила создают выгоды от инвестиций, инноваций и долгих контрактов – регион получает накопление капитала и рост производительности, и, наоборот, если же доминируют извлекающие институты и неопределенность правоприменения – усиливаются краткосрочные стратегии, «выученная недоверчивость» и отток человеческого капитала [Acemoglu, Robinson, 2013]. Эта логика напрямую согласуется с тем, что устойчивость развития опирается на общественные институты и коллективные формы целеполагания, но требует строгого объяснения через каналы институционального воздействия.

Для регионов Юга России принципиально важно различать формальные (правила, регламенты, правоприменение) и неформальные институты (нормы взаимности, доверие, социальный капитал), влияние которых является независимым. В реальности наблюдается институциональная комплементарность, когда формальные гарантии делают сотрудничество масштабируемым, а неформальные нормы – дешевым и быстрым, снижая издержки контроля и поиска партнеров [North, 1990; Williamson, 2000].

Теоретико-методологическую основу составляет неоинституциональный подход, в рамках которого институты трактуются как совокупность формальных норм и устойчивых практик их применения («правил в действии»), определяющих стимулы и транзакционные издержки взаимодействия граждан, бизнеса и власти. Отнесение субъектов Южного федерального округа к определенным типам, выполнено не как произвольное экспертное перечисление, а как теоретико-аналитическая классификация, опирающаяся на совокупность открытых институционально значимых признаков.

К числу таких признаков отнесены: выраженность процедур публичного ответа и обратной связи, плотность и устойчивость гражданских организаций, распространенность практик территориального общественного самоуправления и инициативного бюджетирования, уровень институционального доверия, а также развитость цифровых каналов участия. Соответственно, предложенная типология интерпретируется не как статистический рейтинг субъектов ЮФО, а как аналитическая модель преобладающих институциональных конфигураций, позволяющая сопоставлять регионы по характеру связи между гражданским участием, подотчетностью и качеством коллективного действия.

В рамках неоинституционального анализа связи между общественными институтами, со-

циальным капиталом и параметрами регионального развития потенциально носят эндогенный характер. Во-первых, возможна обратная причинность, при которой более высокие темпы социально-экономического развития сами способствуют росту доверия к институтам и расширению ресурсной базы гражданского общества. Во-вторых, на качество институтов и результаты развития могут одновременно воздействовать структурные и исторические факторы, включая урбанизацию, миграционные процессы, особенности занятости и различия в региональных управленческих практиках. В-третьих, часть используемых прокси-индикаторов может содержать измерительные ограничения. В связи с этим выводы настоящей статьи следует трактовать не как окончательно идентифицированные причинно-следственные эффекты, а как теоретически обоснованные гипотезы о механизмах институционального воздействия, подлежащие дальнейшей эмпирической проверке на сопоставимых региональных данных.

Институциональная логика связи «участие → подотчетность»

Влияние институтов гражданского общества на социально-экономическое развитие региона реализуется через несколько взаимосвязанных каналов:

1. Канал транзакционных издержек – институты формируют предсказуемость правил и снижают стоимость заключения и исполнения контрактов. Чем ниже неопределенность и выше защита прав, тем больше доля долгосрочных инвестиций и выше «терпимость» бизнеса к риску [North, 1990; Williamson, 2000]. На эмпирическом уровне это обычно задается рейтингами инвестиционного климата, показателями административной нагрузки, коррупционными индексами и оценками качества управления [Haerpfer et al., 2020].

2. Канал координации коллективных действий – социальный капитал облегчает горизонтальное сотрудничество и совместное производство общественных благ. Неформальные институты и социальный капитал уменьшают информационные издержки и делают возможными коллективные действия через софинансирование общественных благ, горизонтальную кооперацию, устойчивые партнерства «власть – бизнес – сообщество» [Putnam et al., 1994; Ostrom, 1990], что в целом расширяет сеть партнеров и ускоряет диффузию «передовой практики».

3. Канал инновационного обучения – институционализированные сети взаимодействия ускоряют диффузию знаний и предпринимательских практик. Именно здесь институты проявляются как инфраструктура инноваций, задающие правила входа в предпринимательские эксперименты, доступ к финансированию и скорость распространения знаний [Asheim, Coenen, 2005; Asheim et al., 2016].

4. Канал распределения выгод и доверия – устойчивость развития зависит от того, насколько справедливо распределяются результаты экономического роста и насколько общество доверяет процедурам принятия решений. Это соответствует логике «порядков доступа» и перехода от ограниченного к открытому доступу [North et al., 2009], а также политэкономии извлекающих институтов [Acemoglu, Robinson, 2013].

В российской литературе предложены подходы к измерению институционального качества регионов, включая комбинирование объективных административных показателей и оценочных индикаторов [Баранов и др., 2015]. Для социального капитала в отечественных исследованиях распространены интегральные индексы на основе доверия, сетей и установок [Гужавина, 2023], а также «цифровой социальный капитал» на базе статистики цифровизации [Бородкин, 2024].

В региональном развитии институты гражданского участия не просто сопровождают общественную активность, а могут выступать механизмом изменения структуры стимулов, повышая подотчетность власти, снижая риск произвольного правоприменения и улучшая качество обратной связи [North, 1990; Williamson, 2000; North et al., 2009].

Если институциональная среда региона допускает «ручное управление» и слабую подотчетность, то даже формально корректные меры поддержки бизнеса и социальной сферы реализуются с высокими издержками координации и контроля. Напротив, при развитых институтах гражданского общества возникают устойчивые каналы общественной экспертизы и контроля, которые повышают качество решений и уменьшают оппортунизм, а значит, снижают транзакционные издержки и повышают эффективность контрактов и программ [Williamson, 2000]. Таким образом, гражданское общество может рассматриваться как механизм повышения исполнимости правил и качества коллективного выбора на региональном уровне.

Типология субъектов ЮФО по режимам гражданского участия и социального капитала

В классическом понимании Коулмана социальный капитал – это ресурс, возникающий из отношений, который повышает способность группы достигать результатов (через доверие, нормы, санкции) [Coleman, 1988]. У Роберта Д. Патнэма это переводится на уровень территорий, в которых регионы с более развитым социальным капиталом демонстрируют более высокую результативность институтов и качества управления [Putnam et al., 1994].

Социальный капитал имеет двойственную природу. «Мостовой» капитал расширяет горизонт доверия и облегчает партнерства, тогда как «связующий / закрытый» капитал может усиливать клановость и рентные практики. С точки зрения институциональной теории это означает, что одинаковые «формально правильные» институты могут давать разные эффекты – в зависимости от того, усиливают ли они подотчетность и конкуренцию идей или превращаются в механизм символической легитимации.

Для институционального анализа в регионах ЮФО принципиально перейти от перечисления институтов гражданского общества (ИГО) к их функциональной роли в снижении транзакционных издержек, повышении подотчетности власти и способности территорий к коллективному действию. ИГО структурируются по экономически значимым функциям и сопоставляются по механизму влияния, измерителям и рискам институциональной имитации (табл. 1).

Поскольку ИГО действуют, прежде всего, через доверие, кооперацию и устойчивые сети, требуется разработка социального капитала, позволяющая перейти от качественных характеристик к сопоставимым компонентам. В российской региональной повестке важный эмпирический аргумент о неоднородности эффектов социального капитала представлен в исследовании В. Косарева, П. Павлова и А. Каукина [Косарев и др., 2019], в котором тестируется расширенная неоклассическая модель роста для субъектов РФ и оценивает-

Таблица 1

Механизмы функционирования институтов гражданского общества

Блок ИГО	Экономическая функция	Механизм влияния на региональное развитие	Измерители	Риски «имитации»
НКО и общественные объединения	Удешевление кооперации; агрегация интересов	Превращение разрозненных запросов в коллективные повестки; «достройка» соцуслуг; повышение адресности политики	Плотность НКО; доля СО НКО; волонтерская вовлеченность; устойчивость проектов	Формальная регистрация без активности; зависимость от грантов без сетей
Общественные палаты / советы, общественная экспертиза	Подотчетность и контроль; снижение асимметрии информации	Институционализация обратной связи; фильтрация неэффективных решений; повышение качества реализации программ	Регулярность обсуждений; кейсы экспертиз; индикаторы доверия к институтам	«Витринность»; захват повестки; формальная экспертиза без последствий
ТОС, инициативное бюджетирование, локальные сообщества	Коллективное действие на микроуровне	Локальное знание → проект; взаимный контроль; устойчивость правил в муниципалитетах	Число ТОС / проектов; участие граждан; софинансирование	Участие без влияния; разрыв между приоритетами и финансированием
Социальные инновации / соцпредпринимательство	Совместное производство общественных благ	Партнерства НКО – бизнес – власть; тиражирование практик; снижение издержек поиска решений	Инфраструктура поддержки; партнерские сети; устойчивость практик	«Проектность» без институционального закрепления
Неформальные сообщества и консолидация	Легитимность правил и кооперация	Доверие и нормы взаимности повышают исполнимость правил и качество взаимодействий	Доверие; участие; показатели консолидации	Закрытые сети; поляризация; рост недоверия

Примечание. Составлено по: [North, 1990; Williamson, 2000; Ostrom, 1990].

ся распределение социального капитала, связанного с динамикой подушевого ВРП.

Социальный капитал представляет институциональный ресурс, который делает возможной кооперацию без постоянного внешнего контроля, линейно снижая транзакционные издержки и повышая исполнимость правил [Coleman, 1988]. Для ЮФО аналитически важно различать обобщенное и институциональное доверие, в первом случае, расширяется горизонт сотрудничества, во втором – определяется легитимность «правил игры» и готовность граждан участвовать в общественных процедурах.

Модератором консолидации для субъектов ЮФО выступает компонент, позволяющий определить, что при низком взаимодействии институты участия хуже конвертируются в устойчивые правила, а общественный контроль становится конфликтным и фрагментарным [Чигрин, Узунов, 2022].

Важно отметить, насколько региональные и муниципальные практики способны закреплять минимальный стандарт подотчетности – стандарт, при котором публичный запрос и участие граждан не остаются «разрешенными», но становятся «обязующими» в смысле процедурной реакции и публичной фиксации результата.

Далее представлена структурная модель социального капитала региона, применимая к субъектам ЮФО (табл. 2).

Чтобы перейти от общих рассуждений к сопоставимой аналитике, рассмотрим социальный капитал как структуру измеряемых компонентов, связанных с различными институциональными режимами – от открытого доступа к закрытым позициям (см. табл. 3). Цифровые компоненты, будучи важным ресурсом современной координации, усиливают эти эффекты в обе стороны, способных радикально удешевлять коммуникацию, но без процедур подотчетности столь же быстро превращаются в канал фрагментации и имитации обратной связи [Бородкин, 2024].

Для последующей эмпирической проверки предложенной модели социального капитала принципиально важно, что используемые в статье прокси-индикаторы допускают формализацию на основе открытых и воспроизводимых источников данных. Так, показатели плотности НКО и институциональной емкости гражданского сектора могут быть получены из официальных реестров и докладов о состоянии гражданского общества; параметры гражданского участия – из данных о территориальном общественном самоуправлении, инициативном бюджетиро-

Таблица 2

Структурная модель социального капитала

Компонент	Сущность	Прокси-индикаторы	Особенности
Обобщенное доверие	Расширение горизонта контрактов; удешевление контроля	Доля ответов «можно доверять большинству»	Чувствительно к формулировкам, требуется сопоставимость
Институциональное доверие	Легитимность правил; готовность к соблюдению и участию	Доверие к власти / судам / полиции	Высоко реагирует на текущую повестку
Соучастие	Способность к коллективным действиям	Членство / участие в объединениях; волонтерство	Важно отличать «участие» от «учета»
Нормы взаимности	Устойчивость кооперации без внешнего принуждения	Вопросы о взаимопомощи, готовности объединяться	Ключ к устойчивости локальных проектов
Плотность НКО	Институциональная емкость гражданского сектора	НКО на 10 тыс.; доля СО НКО	Прокси формального потенциала, не равен активности
Цифровой социальный капитал	Ускорение координации и мобилизации	Цифровая вовлеченность / сервисы	Расширяет каналы формирования и мобилизации социального капитала, однако не является эквивалентом очных практик доверия и локальных механизмов коллективного действия
Социальная консолидация	Повышение социальной интеграции и согласованности ожиданий; укрепление нормативной регуляции кооперации	Индикаторы консолидации / сплоченности	Критичен для полиэтничных и неоднородных территорий

Примечание. Составлено по: [Косарев и др., 2019; Бородкин, 2024].

вании, добровольческих и общественных практиках; показатели институционального доверия – из общероссийских и международных социологических обследований; цифровая вовлеченность – из статистики использования электронных платформ взаимодействия граждан и органов власти. Тем самым, предложенный набор индикаторов рассматривается не как декларативная схема, а как основа для последующего сопоставительного анализа субъектов ЮФО.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что гражданские институты становятся фактором развития в тех случаях, когда они формируют устойчивые правила подотчетности и коллективного действия, уменьшающие неопределенность и транзакционные издержки; при этом социальный капитал – в форме доверия, норм взаимности и мостовых сетей – может выступать механизмом исполнимости таких правил.

Для ЮФО важным уточнением выступает то, что социальный капитал может принимать форму замкнутых сетей, которые облегчают внутреннюю координацию, но одновременно повышают риски клиентелизма и институционального захвата, ухудшая доступ к процедурам и снижая публичную конкуренцию повесток. В этих условиях государственная и муниципальная политика должна оцениваться не по количеству мероприятий и организаций, а по степени закрепления процедурных стандартов публичного права, прозрачности причин решений и мониторинга исполнения, поскольку именно эти стандарты и формируют предсказуемость и доверие к правилам.

Распределение субъектов ЮФО по типам, представленное в таблице 4, основано на сопоставлении регионов по совокупности институционально значимых признаков: качеству процедур публичного ответа, степени развитости инфраструктуры гражданского участия, плотности гражданских организаций, выраженности локальных практик самоорганизации и характеру доминирующего социального капитала. Тем самым таблица 4 фиксирует не формальный рейтинг регионов, а аналитически реконструируемые институциональные конфигурации, отражающие преобладающие способы взаимодействия общества и власти в субъектах округа.

К Типу I в логике настоящего исследования отнесены Ростовская область и Краснодарский край, для которых в наибольшей степени характерна институциональная связь между гражданским участием, публичным ответом и процедурами мониторинга исполнения решений. В данных субъектах доверие к процедурам в большей мере связано с ожиданием публичной реакции на коллективный запрос, однако устойчивость такого режима требует постоянного ограничения рисков институционального захвата со стороны ресурсных коалиций и поддержания открытого доступа к каналам участия.

Таблица 3

Социальный капитал в институциональном анализе ЮФО

Компонент социального капитала	Содержание	Институциональная интерпретация для ЮФО
Межличностное доверие	Готовность к кооперации вне узких групп	Формирует основу мостовых-связей; при дефиците доверия транзакционные издержки растут
Институциональное доверие	Доверие к «правилам» и организациям (процедурам)	Определяет готовность участвовать и признавать результаты процедур как легитимные
Участие и гражданская вовлеченность	Повторяемые практики коллективного действия	При наличии подотчетности превращается в общественный контроль; без него – в «разовую мобилизацию»
Сетевая форма и нормы взаимности	Плотность горизонтальных связей и взаимных ожиданий	Определяет способность регионов ЮФО к кооперации между сообществами и секторами
«Закрытый» (bonding) капитал	Кооперация внутри узких групп	Может усиливать локальную устойчивость, но повышает риск захвата институтов закрытыми коалициями
Цифровой социальный капитал	Цифровые каналы координации и доступа к услугам	Снижает стоимость координации, но требует процедур ответственности, иначе усиливает поляризацию

Примечание. Составлено по: [North, 1990; Fukuyama, 1995; Coleman, 1988; Putnam et al., 1994; Доклад о состоянии ... , 2024; Haerpfer et al., 2020; Hoven et al., 2025; Бородкин, 2024].

К Типу II отнесены Волгоградская и Астраханская области, где наличие сравнительно развитой организационной инфраструктуры гражданского участия не всегда сопровождается эквивалентной устойчивостью механизмов исполнения и обратной связи. В этом случае институциональный потенциал существует, однако его конверсия в стабильную подотчетность и воспроизводимые правила коллективного действия остается неполной, что повышает риск имитационных практик.

Республика Калмыкия и Республика Адыгея в рамках предложенной аналитической модели отнесены к Типу III, для которого более выраженными являются локальные практики коллективного действия, основанные на плотных горизонтальных связях, репутационных санкциях и нормах взаимности. Институциональная состоятельность в данном случае поддерживается прежде всего на микроуровне, тогда как ключевой задачей регионального развития становится перевод локально устойчивых форм самоорганизации в более масштабируемые механизмы общерегиональной подотчетности.

Республика Крым и город Севастополь в рамках настоящей типологии отнесены к Типу IV, отражающему транзитно-адаптационную институциональную конфигурацию, в которой особую значимость приобретает процедурная прозрачность и публичная легитимация решений. Для таких субъектов доверие к правилам и готовность к участию особенно чувствительны к качеству обратной связи, вследствие чего имитационные практики способны быст-

Таблица 4

Типология субъектов ЮФО
в координатах институциональной состоятельности гражданского общества

Тип институциональной конфигурации	Институциональные признаки	Риски и «узкие места»	Субъекты ЮФО *
Тип I. Подотчетность – ориентированная (продуктивная) конфигурация	Регулярный публичный ответ; понятные процедуры учета предложений; наблюдаемая связь «запрос → решение → исполнение / неисполнение → последствия»; наличие каналов мониторинга исполнения	Риск институционального захвата ресурсными коалициями; необходимость поддерживать открытый доступ и мостовые сети	Ростовская область, Краснодарский край
Тип II. Инфраструктурная (потенциальная) конфигурация	Развитая организационная оболочка участия; наличие программ и площадок; частичная / неровная обратная связь; сильная внутрирегиональная дифференциация	Риск имитации участия; доверие «не конвертируется» в устойчивые правила; зависимость от конкретных проектов и персоналий	Волгоградская область, Астраханская область
Тип III. Локально-самоорганизационная конфигурация	Сильные локальные практики коллективного действия; устойчивость норм взаимности; способность производить локальные правила и поддерживать их исполнение	Ограниченность масштабирования; риск замыкания сетей (bonding) и снижения bridging-связей	Республика Калмыкия, Республика Адыгея
Тип IV. Транзитно-адаптационная конфигурация	Значимость процедурной прозрачности; высокая роль публичной легитимации; уязвимость доверия к имитации участия; зависимость от качества «публичного ответа»	Риск разрыва исполнения при слабой обратной связи; высокая чувствительность доверия к символическим практикам	Республика Крым, г. Севастополь

Примечание. Составлено автором по: [North, 1990; Williamson, 2000; Putnam et al., 1994; North et al., 2009; Ostrom, 1990; Fukuyama, 1995]. * – отнесение носит теоретико-аналитический характер и отражает институциональную логику статьи (а не статистический рейтинг); оно подлежит уточнению при последующем эмпирическом углублении на региональных материалах [Williamson, 2000].

рее подрывать легитимность формальных институтов и усиливать смещение взаимодействий в неформальный сектор.

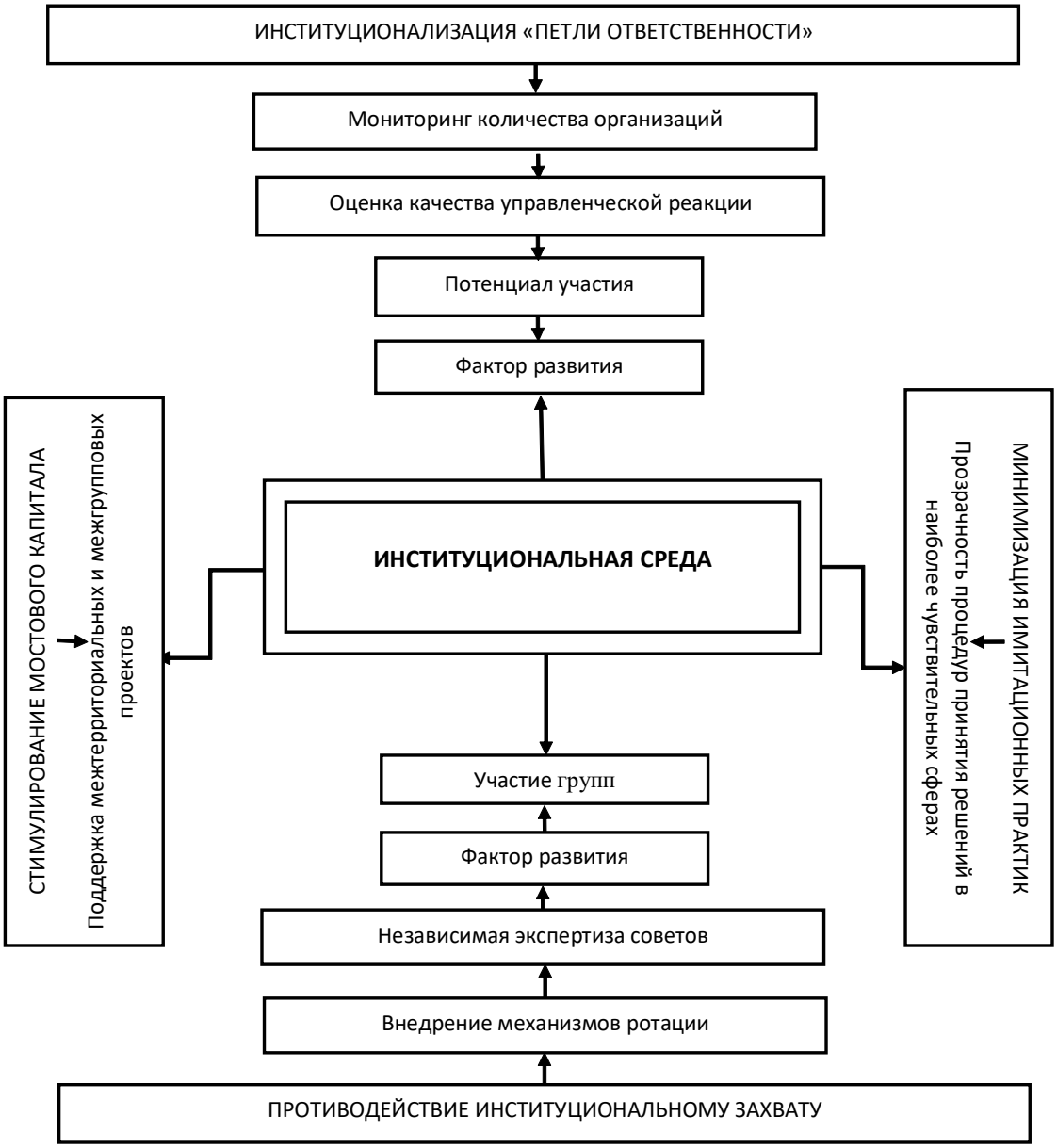
Таким образом, типология фиксирует принципиальную закономерность, согласно которой в условиях трансформации именно качество публичного ответа выступает предельным параметром состоятельности гражданского общества.

Приоритетные направления укрепления институциональной среды региона

В рамках неоинституционального подхода ключевой проблемой регионального управления остается риск создания «экстрактивных» институтов, которые лишь имитируют гражданскую активность, не создавая реальных каналов влияния.

На основе выявленных закономерностей сформулированы приоритетные направления региональной политики, направленные на укрепление институциональной среды (см. рисунок).

Анализ структурно-логической схемы позволяет сделать вывод, что укрепление институциональной среды в современных региональных системах достижимо только при условии синхронизации вертикальных и горизонтальных механизмов контроля. Замыкание «петли ответственности» превращает пассивное участие в драйвер развития, где управленческая реакция становится обязательным элементом цикла.

Приоритетные направления региональной политики, направленные на укрепление институциональной среды

Примечание. Составлено автором.

Стимулирование мостового капитала и противодействие институциональному захвату решают проблему закрытости элит и локальных сообществ, обеспечивая циркуляцию идей и кадров. Минимизация имитационных практик выступает базовым условием восстановления социального доверия. Институциональная устойчивость региона обеспечивается не жесткостью формальных правил, а их способностью предотвращать монополизацию принятия решений («захват институтов») и обеспечивать прозрачность в наиболее чувствительных точках распределения ресурсов. Таким образом, региональная политика эволюционирует от «управления структурами» к «управлению качеством социальных взаимодействий».

Выводы

Проведенный теоретико-институциональный анализ позволил показать, что вопрос о влиянии ИГО на социально-экономическое развитие субъектов ЮФО проявляется через выявление устойчивых процедур, уменьшающих неопределенность, снижение транзакционных издержек координации и ограничивающих оппортунизм в сфере публичных решений. В логике неоинституциональной теории гражданское общество выступает не «надстройкой» над экономикой, а механизмом, который при определенных условиях повышает предсказуемость поведения участников, укрепляет доверие к процедурам и тем самым расширяет пространство продуктивных взаимодействий между домохозяйствами, бизнесом и органами власти. Именно поэтому для ЮФО, характеризующегося высокой территориальной и социокультурной неоднородностью, ключевым аналитическим объектом становится не «уровень активности», а институциональная конфигурация, каким образом участие переводится в подотчетность, а социальный капитал – в способность к коллективным действиям, воспроизводимым во времени.

Институты гражданского общества в ЮФО выступают фактором социально-экономического развития опосредованно через минимизацию транзакционных издержек, стабилизацию ожиданий и ограничение оппортунистического поведения. Ключевым механизмом данной трансформации выступает институционализированная подотчетность, а необходимым условием – социальный капитал мостового типа и доверие к процедурам. Представленная концептуальная модель отражает современную парадигму институционального развития, где эффективность региона определяется не формальным наличием демократических атрибутов, а глубиной и качеством взаимодействия между государством и обществом.

Представленная в статье типология институциональных режимов гражданского общества в субъектах Южного федерального округа должна рассматриваться как концептуально-аналитическая модель, предназначенная для последующего эмпирического уточнения. Ее научная ценность состоит в переводе обсуждения общественных институтов и социального капитала из нормативно-описательной плоскости в плоскость сопоставимого институционального анализа, позволяющего фиксировать различия не только по уровню гражданской активности, но и по характеру связи между участием, подотчетностью и воспроизводимостью коллективных действий.

Дальнейшая исследовательская перспектива связана с эмпирическим уточнением предложенной типологии на основе сопоставимых региональных данных, позволяющих проверить различия между формальными институтами и «правилами в действии». Такой подход позволит верифицировать предложенные механизмы влияния общественных институтов и социального капитала на параметры регионального развития и, тем самым, перевести концептуальную модель в режим воспроизводимого компаративного анализа субъектов ЮФО и других макрорегионов России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М., Сюняев Г., 2015. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // Вопросы экономики. № 2. С. 69–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-2-69-103

Бородкин М. А., 2024. Цифровой социальный капитал российских регионов // Society and Security Insights. № 7 (1). С. 87–102. DOI: 10.14258/SSI(2024)1-06

Гужавина Т. А., 2023. Социальный капитал российского региона: состояние и динамика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 16 (4). С. 254–265. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.14

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, 2024 // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://report2024.oprf.ru/ru-RU/2024-the-main-thing-in-russian-civil-society.html

Косарев В., Павлов П., Каукин А., 2019. Социальный капитал как фактор экономического роста российских регионов // Экономическая политика. № 14 (5). С. 124–149. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-5-124-149

Чигрин В. А., Узунов В. В., 2022. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России // Гуманитарий Юга России. № 11 (1). С. 150–159. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11

Acemoglu D., Robinson J. A., 2013. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N. Y. : Crown Currency. URL: https://hostnezt.com/cssfiles/internationalrelations/Why-Nations-Fail-Daron-Acemoglu.pdf

Asheim B., Coenen L., 2005. Knowledge Bases and Regional Innovation Systems: Comparing Nordic Clusters // Research Policy. № 34 (8). P. 1173–1190. DOI: 10.1016/j.respol.2005.03.013

Asheim B.T., Grillitsch M., Trippl M., 2016. Regional Innovation Systems: Past-Present-Future // Handbook on the Geographies of Innovation. Cheltenham. P. 45–62.

Coleman J. S., 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. Vol. 94. P. S95–S120. DOI: 10.1086/228943

Fukuyama F., 1995. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y. : Free Press. URL: https://archive.org/details/trustsocialvirtu0000fuku

Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C. et al., 2020. World Values Survey Wave 7 (2017–2020) Cross-National Data-Set. URL: https://cir.nii.ac.jp/crid/1881428067464497280

Hoven H., Eikemo T.A., Backhaus I., Riebler A. et al., 2025. The Second Health Inequalities Module in the European Social Survey (ESS): Methodology and Research Opportunities // Social Science & Medicine. Vol. 380, 118228. DOI: 10.1016/j.socscimed.2025.118228

North D. C., 1990. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press. URL: https://epistemh.pbworks.com/f/8.%20Institutions__Institutional_Change_ and_Economic_ Performance.pdf

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R., 2009. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge : Cambridge University Press. URL: https://assets.cambridge.org/97805217/61734/frontmatter/9780521761734_frontmatter.pdf

Ostrom E., 1990. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge : Cambridge University Press. URL: https://aikon.org/wp-content/uploads/2022/12/Elinor-Ostrom-Governing-the-Commons_-The-Evolution-of-Institutions-for-Collective-Action-Cambridge-University-Press-2015.pdf

Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y., 1994. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press. URL: https://books.google.ru/books/about/Making_Democracy_Work.html?id= gKZP8_Tp27UC&redir_esc=y

Williamson O. E., 2000. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. Vol. 38 (3). P. 595–613. DOI: 10.1257/jel.38.3.595

REFERENCES

Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rokhlic M., Syunyaev G., 2015. Izmerenie institutov v rossiiskikh regionakh: metodologiya, istochniki dannykh, analiz [Measuring Institutions in Russian Regions: Methodology, Data Sources, Analysis]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], no. 2, pp. 69-103. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-2-69-103

Borodkin M.A., 2024. Tsifrovoy sotsialnyj kapital rossiiskikh regionov [Digital Social Capital of Russian Regions]. *Society and Security Insights*, no. 7 (1), pp. 87-102. DOI: 10.14258/SSI(2024)1-06

Guzhavina T.A., 2023. Sotsialnyj kapital rossiyskogo regiona: sostoyanie i dinamika [Social Capital of the Russian Region: State and Dynamics]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], no. 16 (4), pp. 254-265. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.14

Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii [Report on the State of Civil Society in the Russian Federation], 2024. *Obshchestvennaya palata Rossiyskoy Federatsii* [Civic Chamber of the Russian Federation]. URL: https://report2024.oprf.ru/ru-RU/2024-the-main-thing-in-russian-civil-society.html

Kosarev V., Pavlov P., Kaukin A., 2019. Sotsialnyj kapital kak faktor ekonomicheskogo rosta rossiyskikh regionov [Social Capital as a Factor of Economic Growth of Russian Regions]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], no. 14 (5), pp. 124-149. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-5-124-149

Chigrin V.A., Uzunov V.V., 2022. Osobennosti sotsialnoy konsolidatsii regionalnykh soobshchestv Yuga Rossii [Features of Social Consolidation of Regional Communities of Southern Russia]. *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], no. 11 (1), pp. 150-159. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11

Acemoglu D., Robinson J.A., 2013. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Currency. URL: https://hostnezt.com/cssfiles/internationalrelations/Why-Nations-Fail-Daron-Acemoglu.pdf

Asheim B., Coenen L., 2005. Knowledge Bases and Regional Innovation Systems: Comparing Nordic Clusters. *Research Policy*, no. 34 (8), pp. 1173-1190. DOI: 10.1016/j.respol.2005.03.013

Asheim B.T., Grillitsch M., Tripp M., 2016. Regional Innovation Systems: Past-Present-Future. *Handbook on the Geographies of Innovation*. Cheltenham, pp. 45-62.

Coleman J.S., 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. S95-S120. DOI: 10.1086/228943

Fukuyama F., 1995. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York, Free Press. URL: https://archive.org/details/trustsocialvirtu0000fuku

Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C. et al., 2020. *World Values Survey Wave 7 (2017–2020) Cross-National Data-Set.* URL: https://cir.nii.ac.jp/crid/1881428067464497280

Hoven H., Eikemo T.A., Backhaus I., Riebler A. et al., 2025. The Second Health Inequalities Module in the European Social Survey (ESS): Methodology and Research Opportunities. *Social Science & Medicine*, vol. 380, 118228. DOI: 10.1016/j.socscimed.2025.118228

North D.C., 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press. URL: https://epistemh.pbworks.com/f/8.%20Institutions__Institutional_Change_and_Economic_Performance.pdf

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R., 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History.* Cambridge, Cambridge University Press. URL: https://assets.cambridge.org/97805217/61734/frontmatter/9780521761734_frontmatter.pdf

Ostrom E., 1990. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge, Cambridge University Press. URL: https://aikon.org/wp-content/uploads/2022/12/Elinor-Ostrom-Governing-the-Commons_-The-Evolution-of-Institutions-for-Collective-Action-Cambridge-University-Press-2015.pdf

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y., 1994. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, Princeton University Press. URL: https://books.google.ru/books/about/Making_Democracy_Work.html?id=gKZP8_Tp27UC&redir_esc=y

Williamson O.E., 2000. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, vol. 38 (3), pp. 595-613. DOI: 10.1257/jel.38.3.595

Information About the Author

Arslan B. Kusminov, Postgraduate Student, Department of Economic Theory, Regional Economy and Entrepreneurship, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Assistant Lecturer, Department of Management, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russian Federation, kusminov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-4831-8957

Информация об авторе

Арслан Борисович Кусьминов, аспирант кафедры экономической теории, региональной экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; ассистент кафедры менеджмента, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, kusminov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-4831-8957